
Российская молодежь в эпоху перемен: структурные изменения и новые вызовы политической социализации

© 2020 г. Л.А. Беляева

*Институт философии РАН,
Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

E-mail: bela46@mail.ru

Поступила 02.04.2020

В настоящее время проблемы молодежи и, шире, проблемы поколений, их смены, передача опыта и приобретение новых ценностных ориентиров, освоение новых социальных практик стали одними из самых актуальных для сохранения целостности общества как системы и динамизма его развития. Настораживают некоторые неблагоприятные структурные тенденции, характеризующие изменение места молодежи в российском обществе. С начала XXI в. по настоящее время численность молодежи в возрасте 15–29 лет сократилась в России почти на 10 млн человек, или на 7% от населения страны. Это определяет в перспективе тревожный уровень демографической нагрузки, заставляет все с большим опасением всматриваться в будущее, внимательно анализировать современное положение молодежи в России, тенденции ее социализации, включенности в образовательную систему, участие в общественном производстве и ее влияние на ценностно-нормативную систему общества, которая все больше будет определяться теми поколениями, которые сейчас пока относятся к молодежи. В статье основное внимание сосредоточено на трех наиболее актуальных блоках проблем: социальной стратификации и социальной мобильности молодежи; положении и поведении молодежи на рынке труда в связи с его противоречивыми изменениями и появлением новых форм занятости; изменениями в ценностных ориентациях, моделях социокультурного поведения молодежи на примере ее политической социализации.

Ключевые слова: молодежь, стратификация, рынок труда, политическая социализация, образование, ценности.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–10-17-27

Цитирование: *Беляева Л.А.* Российская молодежь в эпоху перемен: структурные изменения и новые вызовы политической социализации // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 17–27.

Russian Youth in Times of Change: Structural Changes and New Challenges to Political Socialization

© 2020 Lyudmila A. Belyaeva

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

E-mail: bela46@mail.ru

Received 02.04.2020

Today youth problems and, in broader terms, generation problems, succession of generations, sharing experience and acquiring new values, learning new social practices, are among the most important things required to keep the integrity of the society as a system and its development dynamics. There are some worrying trends characterizing the change of the youth place in the Russian society. Since the beginning of the XXI century, the number of young people aged 15–29 has decreased in Russia by almost 10 million people, or 7% in the country's population. This determines in the future an alarming level of demographic burden. Such quantitative proportions make us look forward with ever growing concerns. We will, among other things, have to carefully analyze the current situation of the youth in Russia. The article is focused on three most pressing blocks of problems and challenges faced by the modern youth. First, these are the challenges of social stratification and social mobility of the youth, which builds a new hierarchical youth pyramid. Second, the youth situation and behavior in the labor market resulting from its conflicting changes and the new forms of employment. Third, changes in values, models of the sociocultural behavior, which are not the same for all the young people. The major case of such changes is the political socialization of the modern youth.

Keywords: youth, stratification, labor market, political socialization, education, values.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–10-17-27

Citation: Belyaeva Lyudmila A. (2020) "Russian Youth in Times of Change: Structural Changes and New Challenges to Political Socialization", *Voprosy Filosofii*, Vol. 10 (2020), pp. 17–27.

Молодежь и внутримолодежные поколения

Качественную характеристику группы общества, которая может быть названа молодежью, сформулировал Карл Манхейм на основе выделения ее социальных функций. «Молодежь – это один из скрытых ресурсов, которые имеются в каждом обществе и от мобилизации которых зависит его жизнеспособность <...>. Особая функция молодежи состоит в том, что она – оживляющий посредник, своего рода резерв, выступающий на передний план, когда такое оживление становится необходимым для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам» [Манхейм 2010, 571–572]. Манхейм определяет молодежь через ее функции как двигателя инновационного развития общества, но при этом не упоминает о возрастных характеристиках, возрастных границах молодежи, что в данном определении принципиально не важно, тем более что эти границы подвижны и имеют свои пределы в зависимости от исторических этапов, проживаемых обществом.

Другой – социокультурный подход демонстрирует Игорь Кон, сформулировав такое определение молодежи, которое по своему существу не утратило актуальности и в настоящее время: «Молодежь – социально-демографическая группа, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств. Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла, биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанные с ней социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» [Кон 1987, 85]. Здесь молодежь рассматривается как социально-демографическая группа, представляющая определенный социокультурный тип, обладающий общей системой ценностей, стандартами поведения, субкультурой. Но при кардинальных изменениях в обществе и под влиянием современных информационных процессов молодежь образует несколько социокультурных типов, которые можно классифицировать как поколения современной молодежи.

Само понятие «поколение» имеет многозначное толкование. Так, Х. Ортега-и-Гассет считал, что «общность сосуществующих в одном кругу сверстников составляет поколение... понятие поколения изначально объединяет два признака: единство возраста и наличие жизненных контактов». При этом каждое поколение, во-первых, занимает свое место в историческом времени, то есть заявляет о себе в мелодии человеческих поколений точно вслед за другим... а во-вторых, оно обладает своим местом в пространстве. Общность даты рождения и жизненного пространства – исходные признаки поколения. Оба означают глубинную общность судьбы. Такая исходная тождественность судеб порождает вторичные совпадения, образующие единство жизненного стиля сверстников. Мы самой датой рождения прикованы к известной возрастной группе, к известному стилю жизни. Поколение – это целостный жизненный образец или, если хотите, некая мода, налагающая неизгладимый отпечаток на индивидов [Ортега-и-Гассет 1997, 260–261]. Основываясь на градациях жизненного цикла, Ортега устанавливал 15-летний срок смены поколений (от рождения до 15 лет длится детство, от 15 до 30 лет активное включение в жизнь, 30–45 лет – зрелый возраст с выработанным своим собственным стилем жизни, 45–60 лет – это властвующее поколение, занимающее в обществе центральное место, следующее – старше 60 лет, по сути выключившееся из общественной жизни поколение. В современном обществе такая градация поколений имеет методологический смысл, но немного объясняет в смене поколений. Сегодня изменился ритм развития обществ, выросла продолжительность активной трудовой и общественной жизни людей, изменяется характер наследования черт предыдущих поколений последующими. Следует оговорить, что в центре нашего внимания будут массовые поколения, которые символически называются по крупным общественным событиям, участниками или свидетелями которых они были [Семенова 2003, 213–237]. В данной статье не будут рассматриваться поколения, связанные с именами интеллектуалов или исторических деятелей (в России это, например, поколение Пушкина, поколение Толстого, поколение декабристов, поколение Екатерины Второй, поколение шестидесятников и т.д.).

Массовые поколения связаны с определенными значимыми историческими событиями и явлениями, которые повлияли на большие группы большинства населения, так называемые «массы». Возникли такие определения поколений, как: потерянное поколение – так называли участников Первой мировой войны, вернувшихся с фронта; поколение беби-бум – это свидетели и участники сексуальной революция; «клубничное» поколение в Китае – родившиеся в стране на подъеме экономического развития при низком уровне рождаемости. Современные авторы выделяют массовые поколения в России, сформированные до цифровой эпохи: поколение скорости, аборигены доцифровой эпохи, поколение эйфории [Шестакова 2017, 47–51]. На фоне многообразных подходов к определению и выделению поколений повышенное внимание сейчас приковано к тем возрастным группам, которые выделяются в соответствии с теорией

поколений В. Штрауса и Н. Хау, разработанной на материале истории США [Howe, Strauss 1991]. В контексте развития постсоветской России внимание сосредоточено на поколении 35–56-летних, или поколении «X», получившем первичную социализацию в советский и перестроечный периоды; поколении «Y» или поколении миллениалов, которое уже вступило сейчас в свою активную фазу жизни (18–35 лет) и получило шутливое название «поколение большого пальца», подчеркивающее выдающиеся способности набирать сообщения на гаджетах большим пальцем одной руки; и приходящее во взрослую жизнь поколение «Z» (от 14 до 18 лет), или «цифровое поколение», проводящее в виртуальной реальности большую часть своего времени. Характерно, что выделение поколений молодежи связывается сегодня со знаковыми событиями в мире цифровых технологий и развитием компьютерных сетей. Верхняя возрастная граница молодежи часто ограничивается 30 годами, когда для большинства молодых людей окончательно определяется профессиональный путь, заканчивается образование, создаются собственные семьи. Но вместе с тем имеются тенденции к расширению этой границы, поскольку многие молодежные роли продолжают массово исполняться и в более позднем возрасте, поиски своего места в жизни для некоторых молодых людей продолжаются, как часто продолжается и образование. Ранее, при более коротком периоде обучения, верхняя граница молодежи была ниже. Нижняя возрастная граница молодежи также подвижна и колеблется у разных исследователей в диапазоне 14–18 лет. Есть исследовательская практика разделения молодежи на внутренние возрастные группы, например, выделяют группы подростков от 14 до 18 лет, молодежи 18–24 года, «молодых взрослых» 25–29 лет, другие градации, в том числе доходящие в верхних границах до 35 лет. Выделение возрастных границ не принципиально для нашего анализа, более значима возможность сравнения групп между собой внутри страны и в международном контексте с использованием данных массовых обследований и статистики.

Молодежная социальная пирамида

Для современного этапа развития российского общества можно выделить три ведущих критерия, определяющих положение молодого человека в российском обществе: материальный уровень жизни, образование и место проживания. Все три критерия дифференцируют не только саму молодежь, но и проецируют на нее стратификацию семей и региональных сообществ, где проживал или проживает молодой человек. Наследственный и территориальный факторы все в большей мере оказывают влияние на его место в обществе. Относительная социальная однородность при социализме сменилась глубоким расслоением, и это не могло не сказаться на социальном положении молодежи. Материальное положение было далеко не самым существенным показателем статуса в советской России, сейчас же это один из важных индикаторов. Система критериев, или статусных индикаторов, по которым определяется положение индивида или группы в социальной иерархии, значительно усложнилась [Шкаратан, Ястребов 2011, 5–28]. Материальная дифференциация и социальный статус взрослого населения отразились на материальном и социальном положении представителей молодежи из разных доходных и социальных слоев, открыли перед ними разные каналы социальной мобильности. Проблема обостряется наличием глубоких различий между регионами [Беляева 2006, 42–61].

В силу возраста и большего оптимизма – атрибутивного свойства молодежи, материальный уровень своих семей молодые люди оценивают более высоко, чем взрослые респонденты – от 35 лет и старше. Но и среди тех, кому еще нет 25 лет, 33% говорят, что на доход их семей жить трудно или очень трудно, при взрослении уровень оптимистических оценок еще больше снижается, достигая максимума в старшей возрастной группе – более 60 лет (59%). Чтобы сопоставить самооценку уровня материального обеспечения молодежи в России и в странах Европы, приведем данные международного сравнения по странам бывшего социалистического лагеря (Польша

и Чехия), юга Европы (Испания), центральной (Германия) и северной Европы (Швеция). (См. www.ess-ru.ru). Отсутствие материальных затруднений отметила примерно половина молодых россиян, но в других европейских странах благополучных молодых людей значительно больше: до 90% в Польше, Германии и Швеции, около 70% в Испании и Чехии. Нельзя не отметить, что недостаточность дохода негативно сказывается не только на уровне и качестве жизни, но и на перспективах получения хорошего образования в группе 15–24-летних, а также на жизнедеятельности молодых людей 25–35 лет, особенно если у них уже есть дети.

По данным ESS и другим исследованиям, наибольшую долю людей, не имеющих материальных затруднений, составляют в России предприниматели. Можно с уверенностью предположить, что этот слой имеет лучшие материальные возможности дать детям хорошее качественное образование, в том числе за границей. Это же заключение можно распространить на управленческую и культурную элиту. Несмотря на имеющиеся трудности в развитии бизнеса, многие предприниматели готовы передать свое дело детям и намерены их к этому готовить, в частности, обеспечивая для них получение хорошего образования. Влияние социально-экономического статуса семьи на выбор образовательной и профессиональной стратегии молодым человеком очень значительно и состоит в основном в личной поддержке стремления достичь определенного статуса и тех преимуществ – материальных и социальных, которыми обладает семья для реализации такого выбора. Здесь можно отметить решающее положительное влияние того культурного капитала, который был накоплен поколениями родителей в советский период, на формирование культурного капитала современной молодежи. Престиж образования даже в постсоветские десятилетия резко снижения уровня жизни специалистов и сокращения рынка интеллектуального труда оставался высоким и не наблюдалось уменьшения желания семей дать детям высшее образование. Хотя качество образования в вузах повсеместно снижалось и часто пребывание в вузе рассматривалось как этап социализации молодого человека, а не приобретение востребованной профессии. Выходцы из родительских семей, имеющих высшее образование, с большой вероятностью пополняют слой специалистов, молодежь из рабочих семей получает, как правило, среднее профессиональное образование и занимает рабочие места, требующие невысокой квалификации. А дети управленцев практически все оканчивают вузы [Константиновский 2018, 171–191]. Прослеживается устойчивая тенденция перехода в средний класс молодежи, чьи родители также были «средними».

Наблюдается сильная корреляционная связь уровня жизни с местом жительства в разных типах населенных пунктов и удаленности от столиц и больших городов. В 2017 г. в столицах России – Москве и Петербурге высокодоходные слои составляют 51% населения, в центрах субъектов РФ – 7%, в районных центрах – 4%, в селах и поселках городского типа – 2%. И мы видим обратные пропорции по доли низкодоходных слоев: в столицах 1%, в центрах регионов 22%, в районных центрах – 35%, в селах и поселках городского типа – 45% [Модели 2018, 234]. Материальный уровень жизни семьи прямо сказывается на материальном и социальном положении молодежи, когда она живет в семье родителей и, косвенно, когда молодой человек живет отдельно от родительской семьи или имеет свою семью и детей. Региональная дифференциация уровня жизни сегодня предопределяет получение молодежью качественного образования и занятия центрального или периферийного места на рынке труда.

Если оценить факторы, влияющие на распределение молодежи по социальным стратам, то первое место нужно отвести зависимости от материального и социального положения родителей, их образовательного багажа, когда молодой человек наследует от них определенные материальные и социальные ресурсы, условно говоря, экономический, социальный и культурный капитал. Второе место занимает локализация места проживания молодого человека, его близость к центрам развития, где имеются учебные заведения, дающие востребованную профессию и квалификацию, и предлагаются качественные рабочие места. Третья группа факторов – уровень полученного самим молодым человеком образования, качество его социализации, умение адаптироваться

к социальной среде, стать социально активным человеком в выборе направлений развития. Эта последняя группа факторов зависит от социального и культурного капитала молодого индивида и его окружения, но также от личных социально-психологических характеристик и внутренней мотивации. Можно говорить о множественности последней группы факторов, что делает спорным их однозначную интерпретацию в современных условиях. Сейчас у российской молодежи есть многообразие выбора и мотиваций для выстраивания жизненного пути, целый спектр возможностей достижения своих личных и общественных целей. Для молодежи уже не предопределен жизненный путь – школа – среднее или высшее профессиональное образование – работа на государственном предприятии или в организации. Свобода выбора жизненного пути существует, но она стеснена ограниченностью желаемых, хорошо оплачиваемых рабочих мест и уровнем профессиональной подготовки самой молодежи, а также субъективными качествами, способностями к самоорганизации.

Как показывают опросы, для большинства молодых людей по-прежнему значимо достижение более высокого места в общественной иерархии и хорошего материального положения. Большинство молодежи это рассматривается как достижение личного социального успеха. И хотя понятие социального успеха имеет многоплановую природу, сейчас он сводится часто к получению более высокого места в социальной иерархии и предполагает участие в конкуренции, состязательность, преодоление, победу [Якутина 2010, 47–52]. Но часть российской молодежи видит свой жизненный путь и личный успех не в продвижении по иерархической лестнице, а отдает свою энергию творчеству, поиску себя в освоении новых культурных практик, новых локальностей и нового образа жизни. Эти устремления наиболее развиты в младших поколениях молодежи, например в поколении «Z», представители которого часто ищут иные пути самореализации, чем более старшая возрастная группа. Тем не менее для большинства молодежи актуализирована проблема интеграции в современный рынок труда, чтобы занять на нем место, дающее возможность вертикальной социальной мобильности.

Молодежь на рынке труда

Занятие молодежью места в социально стратифицированном обществе в значительной мере определяется тем положением, которое она занимает на рынке труда, и тем, как это положение соотносится с положением взрослых и старших возрастных групп. Как показывает статистика, доля молодежи в экономике за 2005–2016 гг. снизилась в масштабах страны почти на 3%. Одновременно на 4,2% выросла доля занятых в возрасте 55–72 года. Уменьшение доли молодежи, безусловно, отрицательно сказывается на инновационном развитии, поскольку молодежь имеет, как правило, лучшую современную подготовку и восприимчивость к новому, к внедрению, в частности, цифровых технологий.

Сегодня доминирующим по численности занятых сектором экономики является сфера услуг, которая и стала основным местом работы для молодежи в последние годы. Молодежь активно занимает рабочие места в торговле, финансовом посредничестве, операциях с недвижимостью и гостинично-ресторанном бизнесе. Она довольно активна в создании собственного бизнеса, самостоятельного дела. При этом доминируют в этой группе молодые люди, имеющие только среднее образование, самостоятельно работая строителями, водителями, мелкими торговцами и оказывая разнообразные частные услуги.

Деиндустриализация и медленная модернизация экономики обусловили отток молодежи из материального производства и занятие открывшихся рабочих мест в торговле и обслуживании, в том числе в финансовом посредничестве. Сегодня сектор услуг вносит значительный вклад в ВВП страны и обеспечивает широкий спектр предложений для населения. При этом остаются неразвитыми те отрасли экономики, которые составляли индустриальную базу экономического развития страны, но они не являются приоритетными для трудоустройства молодежи. Положение может измениться

с внедрением цифровых технологий в производство как более престижное и интересное, высокооплачиваемое занятие.

Развитии интернета и глобализация породили новый вид занятости, очень привлекательный для молодежи, – фриланс. Такие виды работ, как создание сайтов, работа с текстами, дизайн и арт, программирование, аутсорсинг, копирайтинг и т.д., стали, по оценкам, на 20% выполняться в IT-секторе фрилансерами, кроме того, они получают заказы на разные типы инжиниринга в России и из-за рубежа. Возникли отечественные и международные биржи фриланса, рынок удаленного труда приобрел международный характер. Этот рынок все более популярен у молодежи, имеющей подготовку в сфере цифровых и интернет-технологий. Он привлекателен свободой самоорганизации труда, возможностью жить в любой точке земного шара при выполнении работ, но вместе с тем он несет угрозы недостаточной социальной защищенности. Для российской молодежи с невысоким уровнем образования в последние годы стал вынужденно востребован неформальный сектор занятости, в основном в торговле, строительстве, бытовых и частных услугах. В этой группе активно развивается отходничество – работа относительно долгое время вне своего постоянного места жительства. Неформальный сектор стал прибежищем в основном для молодежи с низким образовательным уровнем, к тому же и дополнительное обучение часто не является необходимым для работы в этой сфере, что консервирует невысокий социальный статус молодежи этой группы, препятствует ее социальной мобильности.

Таким образом, в молодежной среде формируется слой прекариев – людей с неустойчивой занятостью. Они не имеют стабильной работы, часто у них официально не оформлены трудовые отношения и не имеется социальных гарантий (оплачиваемых отпусков, больничных и т.п.). За счет неформального сектора растет совокупная занятость в стране, удовлетворяется спрос на услуги. По различным оценкам, неформальная занятость в России составляет 20–25% [Российский рынок 2017]. В российских условиях формальный и неформальный сектора существуют не изолированно, а активно взаимодействуют друг с другом.

Помимо лиц с неустойчивой занятостью сложилась особая социальная группа – NEET-поколение («Not in Employment, Education or Training») – молодежь в возрасте 15–29 лет, которая экономически неактивна, не учится и не охвачена профессиональной подготовкой, пассивно потребляет имеющиеся в семье ресурсы. Этот тип молодежи распространен во многих странах мира, в Европе NEET называют «потерянным поколением», так как отсутствие навыков трудоустройства и повседневного труда приводит к исключению молодых людей из сферы занятости и трудовой социализации. Позже – в 30–40 лет им гораздо сложнее включиться в процесс поиска работы, не имея такого опыта в более раннем возрасте. Обычай совместного проживания с родителями до 30 лет помогает молодым людям пережить экономические невзгоды, но он же делает их инертными и безынициативными даже в относительно благополучные времена. Более того, как показывают наблюдения в странах мира, эта группа молодежи подвержена влиянию наркокартелей и активно вовлекаются в наркоторговлю и криминал, из нее рекрутируются активисты цветных революций. Численность NEET-молодежи в возрасте от 20 до 24 лет в странах ЕС колеблется в пределах 10–13% [Россия 2017, 74–77; Варшавская 2015, 40–46]. В России, по оценкам, каждый шестой молодой человек в возрасте 20–29 лет не имеет работы и не учится. Среди этой молодежи много сельских жителей, людей с проблемами здоровья и инвалидов. Как правило, это люди с невысоким образованием.

При низкой общей безработице в России, доля выпускников вузов и средних профессиональных учебных заведений в ее составе возрастает, достигнув в 2017 г. по 20% каждая. Как можно оценить эти тенденции молодежной безработицы? Ответ кроется в региональных особенностях распределения учебных заведений и региональной структуры рынка труда в России, их асимметричном состоянии. Перенасыщенность двух столиц учебными заведениями, привлекательность мегаполисов для молодежи и нежелание уезжать в провинцию, отсутствие там рабочих мест с достойной оплатой создают

ситуацию, когда молодежь всеми возможными способами стремится остаться в столицах, и, надо отметить, эти города дают такую возможность. После поиска в течение примерно 8 месяцев молодые специалисты, как правило, находят ее, но часто не по специальности, полученной в учебном заведении, частично пополняя ряды фрилансеров.

Таким образом, российский рынок труда и система образования дифференцируют современную российскую молодежь, предоставляя ей неравные возможности как для получения качественного образования, так и для работы на хорошо оплачиваемых перспективных рабочих местах. В этих условиях необходимы дотации из федерального бюджета для увеличения бесплатных мест в региональных вузах, улучшение качества подготовки в них специалистов. Возможно, это позволит избежать в дальнейшем большого оттока молодежи в Москву, Санкт-Петербург, другие крупные центры, сохранить способную молодежь для развития периферийных и депрессивных регионов.

Политическая социализация молодежи: роль эмоционального компонента

Сегодня политическая социализация – это одно из направлений социализации молодежи, процесс усвоения ею политических ценностей и норм, которые не только транслируются со стороны семьи, государственных институтов, но и из общественной среды и среды непосредственного личного и виртуального общения. В России, как и в других вступивших в модернизацию странах, на смену вертикальной трансляции политических знаний, норм и ценностей традиционного общества пришла горизонтальная коммуникация, в которой объект политической социализации вступает в мысленный или реальный диалог со многими носителями норм, ценностей, форм политического сознания и поведения. Он уже не только потребитель политических ценностей и установок, но и сам оказывает влияние на формирование этих качеств у других людей, в том числе у старшего поколения.

Для молодежи отношение к политике находится на периферии ее интересов, для нее особенно значимо то, что личный опыт и реалии повседневной жизни приводят к ощущению собственной незначительности в социально-политическом пространстве и убежденности в бессмысленности своего политического участия [Щеглов 2015, 47–50]. Как и для других возрастных групп, для молодежи характерен высокий уровень недоверия к органам власти (за исключением президента страны), к политическим партиям и общественным организациям, созданным при содействии властных структур.

Можно различить два вектора политической социализации молодежи: *позитивный* и *негативный*. Первый вектор основывается на рациональном и эмоциональном отношении к своей стране, ее судьбе, ее гражданам, масштабным событиям и критическим ситуациям, и он может быть основой для политической социализации, вовлечения молодежи в общественные дела и общественные движения. Сегодня этот вектор реализуется молодежью в волонтерстве, самоорганизации для решения экологических проблем, в деятельности некоммерческих организаций, в организации фондов помощи, в социальном предпринимательстве и т.д. Это, можно сказать, базовая политическая деятельность молодежи, в которой реализуется политическая функция самоорганизации и самоуправления. Иногда низовые организации способны изменить общее направление политики, повлиять на судьбу отдельных политических деятелей, муниципальных органов власти и управленцев. Но следует отметить недостаточную развитость этой активности молодежи.

Второй вектор – негативный, заключается в политической отстраненности, в ощущении бессилия в изменении ситуации в политической сфере и в стране в целом, в нежелании проявлять какую-то общественную активность. Это то, что можно назвать «аполитичностью» большинства молодежи, ее самоустранением от какой-то активности в общественных делах, в организованных сверху мероприятиях, движениях, в отрицательном отношении к инициативам государственных институтов, к участию

в местных органах власти. Оба вектора могут присутствовать в причудливых сочетаниях в сознании и деятельности одного актора.

Как показывают наши исследования, важной составляющей политической социализации молодежи может быть тот эмоциональный образ страны, который фиксируется при опросах населения и, в частности, молодежи. Он формируется в основном как позитивное отношение к Родине (но не к государству): ее природе и естественным природным ресурсам, в тревоге за экологическое состояние и будущее территории проживания; в уважительном отношении к истории страны, гордость за деятельность исторических личностей; в высокой оценке богатства культурного наследия, ее места и признания в мире; в позитивном отношении к таким качествам народа, как его отзывчивость на чужую беду и чувство справедливости. Эти содержательные и эмоциональные оценки отражают доминирующие трактовки патриотизма современной молодежи [Нарбут, Троцук 2014, 105–123] и могут рассматриваться как эмоциональная основа ее политической социализации.

Младшая и старшая молодежные группы (15–24 и 25–34 года) имеют различия в отношении к политическим реалиям в современной России, которые можно отнести не только к возрастным особенностям, но и к особенностям влияния на них общей и ближайшей социальной среды, а также к воздействию информационного поля. Наше последнее исследование, проведенное летом 2020 г., показало, что среди молодежи 18–24 лет 63% в большей или меньшей степени, но гордятся тем, что они живут в России, чувствуют эмоциональную связь со своей страной 76% этой возрастной когорты. Среди более старшей группы молодежи – 25–34 года – эти позитивные оценки еще выше – 73% и 83% соответственно. Здесь уместно было бы привести данные опроса относительно выбора молодежи той политической системы для своей страны, в которой она хотела бы жить. Среди младшей молодежной группы (18–24) 70% выбирают демократическую форму политического правления и хотят жить в демократической стране, в более старшей группе (25–34) оценки более сдержанные, но тоже высокие – жить в демократической стране хотели бы 67%, высказались за демократическую политическую систему 58%. Эти демократические ориентации молодежи значительно выше, чем оценки ею других политических систем: «неограниченная власть одного человека» (20 и 23% соответственно), «власть у экспертов, ученых» (35 и 44%), «власть у военных» (10 и 14%).

Для понимания того, насколько типичны мнения российской молодежи, было проведено сравнение оценок, которые дают молодежь и взрослое население разных стран (Польша, Чехия, Испания, Германия, Швеция) политического обстановке в своих странах. В каждой из стран интерес к политике увеличивается с возрастом. В экономически более развитых странах – Германии и Швеции все когорты молодежи заметно больше интересуются политикой, и они же дают более высокие оценки демократии в своих странах. В России с увеличением возраста заметно нарастает критическое отношение к состоянию демократии в стране. Это характерно и для других стран, за исключением Польши, в которой наблюдается большая политическая консолидация возрастных когорт. Оценки демократичности стран коррелируют с уровнем экономического развития и доверия к политическим институтам общества. Известно, по данным многочисленных российских и международных исследований, в том числе ESS, что доверие к политическим институтам в Германии и Швеции одно из самых высоких в Европе, а в России эти оценки низкие весь постсоветский период. Социализации молодежи в России находятся под воздействием неоднозначных процессов политического развития страны. Для значительной части российской молодежи более значима частная жизнь, достижение личного успеха, материального благополучия. В то же время молодежь легко поддается манипулированию, вовлечению в акции протеста, считает, что демократические процедуры являются в России только формальностью.

Вместе с тем положительное эмоциональное отношение к своей стране остается в России довольно высоким, хотя и снизилось по сравнению с прошлыми периодами. Европейское исследование показало, что эмоциональная связь со своей страной

с повышением возраста усиливается во всех странах, но у молодежи 25–34 лет и среди взрослой группы 45–59 лет в России она все же слабее, чем в других странах. Самую большую привязанность к своей стране демонстрируют польская молодежь и взрослое население этой страны.

Младшая молодежная группа в экономически развитых странах – в Германии и Швеции – эмоционально менее привязана к своей стране. На эти оценки влияют формирование ценностных ориентаций молодежи под давлением мировой глобализации, стирание границ для передвижения по миру, распространение Интернета и сетевых мобильных связей и отношений, которые все более заменяют личное реальное общение, в том числе со своим ближайшим окружением, воздействуя на идентификацию со своей страной. В отличие от этих стран российская молодежь в возрасте 15–24 года эмоционально более привязана к своей стране, по мере взросления это чувство возрастает, но не так сильно, как в этих двух странах, особенно в Швеции. Молодежь находится в промежуточном, или, как говорил П. Чаадаев о положении России между Западом и Востоком, межумочном состоянии. Она выбирает и традиционалистские, и современные ценности и обнаруживает тенденцию к универсализации ценностных ориентаций наряду с европейской молодежью.

Подводя краткий итог, можно заключить, что молодежь России образует в социальном пространстве страны свою собственную стратификационную пирамиду, которая формируется на основаниях, связанных с глубоким материальным расслоением общества, разнородным качеством образованием и региональными и поселенческими различиями. Современный деформированный рынок труда в России интегрировал молодежь в основном в сферу обслуживания, на этом рынке развились молодежный фриланс и прекариат, появились поколения NEET. Особенности политической социализации молодежи, ее низкое доверие к официальным институтам общества сказываются в политической пассивности молодежи, в отсутствии солидарности в политической сфере. Но существует устойчивая эмоциональная основа для развития политического сознания молодежи – привязанность к своей стране, гордость за ее историю и деяния исторических личностей и деятелей культуры и т.д. Это создает реальную почву политической социализации молодежи для ее участия в совершенствовании политической системы страны.

Источники и переводы – Primary Sources and Russian Translations

Кон 1987 – Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1987 (Kon I. *In Search of Myself: The Personality and Its Identity*, in Russian).

Манхейм 2010 – Манхейм К. Проблемы молодежи в современном обществе // Манхейм К. Избр.: Диагноз нашего времени / Пер. с нем и англ. М.: Говорящая книга, 2010. С. 570–590 (Mannheim K. *The Problem of Youth in Modern Society*, Russian translation).

Ортега-и-Гассет 1997 – Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов). Идея поколения // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / Пер. с исп.; сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Весь Мир, 1997. С. 250–266 (Ortega y Gasset J. *En torno a Galileo*, Russian translation).

Primary Sources

Howe, Neil; Strauss, William (1991) *Generations: the History of America's Future, 1584 to 2069*, William Morrow & Co, New York.

Ссылки – References in Russian

Беляева 2006 – Беляева Л.А. Региональная разнородность уровня жизни населения // Мир Росии. Социология. Этнология. 2006. Т. 15. № 2. С. 42–61.

Варшавская 2015 – Варшавская Е.Я. Молодежь, исключенная из сферы занятости и образования, в странах ЕС и России // Вопросы статистики. 2015. № 4. С. 40–47.

Константиновский 2018 – Константиновский Д.Л. Измерение неравенства в образовании // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 16 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 171–191.

Модели 2018 – *Модели* доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.

Нарбут, Троцук 2014 – *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Мировосприятие российской молодежи: патриотические и геополитические компоненты // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (8). С. 105–122.

Россия 2017 – Россия 2017 – Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 15 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017.

Российский рынок 2017 – Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / Под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшников и С. Рощина. М.: Центр стратегических разработок, 2017.

Семенова 2003 – *Семенова В.В.* Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся: Ежегодник–2003 / Отв. ред. Л.М. Дробизева. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. С. 213–237.

Шестакова 2017 – *Шестакова И.Г.* Живые свидетели эры до-Интернета // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 1. С. 47–51.

Шкаратан, Ястребов 2011 – *Шкаратан О.И., Ястребов Г.А.* Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и в современной России // Общественные науки и современность. 2011. № 2. С. 5–28.

Щеглов 2015 – *Щеглов И.А.* Политическая социализация в России как теоретико-прикладная проблема // Теория и практика общественного развития. 2015. № 2. С. 47–50.

Якутина 2010 – *Якутина О.И.* Противоречивость социальных практик успеха в современном российском обществе // Научная мысль Кавказа. 2010. № 1. С. 47–52.

References

Belyaeva, Lyudmila (2006) “Regional Heterogeneity of Living Standards”, *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. 15, No. 2 (2006), pp. 42–61 (in Russian).

Gimpelson, Vladimir, Kapelyushnikov, Rostislav, Roshchin, Sergey (eds) (2017) *Russian Market 2017 – Russian Labor Market: Trends, Institutions, Structural Changes*, Center for Strategic Research, Moscow (in Russian).

Konstantinovskiy, David L. (2018) “Measuring Inequality in Education”, *Russia is Reforming. Yearbook. Issue 16*, Gorskhov Michael (ed.), New Chronograph, Moscow, pp. 171–191 (in Russian).

Narbut, Nikolai P., Trotsuk, Irina V. (2014) “Worldview of Russian Youth: Patriotic and Geopolitical Components”, *Sociologicheskaya Nauka i Socialnaya Praktika*, Vol. 4 (8), pp. 105–122 (in Russian).

Gorshkov, Michael (eds) (2017) *Russia 2017 – Reforming Russia: Yearbook, Vol. 15*, New Chronograph, Moscow (in Russian).

Semenova, Viktoria V. (2003) “Modern Conceptual and Empirical Approaches to the Concept of “Generation””, *Reforming Russia: Yearbook–2003*, L.M. Drobizheva (ed.). Institute of Sociology RAS, Moscow (in Russian).

Shestakova, Irina G. “Live Witnesses of the pre-Internet Era”, *Society, Environment, Development*, Vol. 1 (2017), pp. 47–51.

Tikhonova, Natalya E. (ed.) (2018) *Profitable Stratification Models of Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-country Comparisons*, Nestor-History, Moscow (in Russian).

Shkaratan, Ovsey I., Yastrebov Gordey A. (2011) “Comparative Analysis of the Processes of Social Mobility in the USSR and in Modern Russia”, *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, Vol. 2 (2011), pp. 5–28 (in Russian).

Shcheglov, Ilya A. (2015) “Political Socialization in Russia as a Theoretical and Applied Problem”, *Teoriya i Praktika Obshchestvennogo Razvitiya*, Vol. 2 (2015), pp. 47–50 (in Russian).

Varshavskaya, Elena (2015) “Youth Excluded from Employment and Education in the EU and Russia”, *Voprosy Statistiki*, Vol. 4 (2015), pp. 40–47 (in Russian).

Yakutina, Olga I. (2010) “The Inconsistency of Social Practices of Success in Modern Russian Society”, *Nauchnaya Mysl' Kavkaza*, Vol. 1 (2010), pp. 47–52 (in Russian).

Сведения об авторе

БЕЛЯЕВА Людмила Александровна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской Академии наук.

Authors Information

BELYAEVA Lyudmila A. – DSc in Sociology, Leading Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.